

**МОНГОЛЬСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**
Институт истории и
археологии

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
АССОЦИАЦИЯ
МОНГОЛОВЕДОВ**

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**
Институт восточных
рукописей

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МОНГОЛОВ: КОЛЛЕКЦИИ РУКОПИСЕЙ И АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

III

**Международная конференция
при поддержке Президента Монголии**

20-22 апреля 2017 г. Санкт-Петербург

Сборник докладов

Санкт-Петербург - Улан-Батор
2019

ННА-72
ДАА-378.121
М-694

Ответственный редактор: Академик С.Чулуун
Редакторы, составители: доктор филол.наук И.В.Кульганек
Ph.D Н.Хишигт
Ph.D Б.Нацагдорж
Ph.D Н.В.Ямпольская
Рецензенты: Ph.D Н.Ганбат
доктор филол.наук Л.Г.Скородумова

Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов. Сборник докладов III международной научной конференции. 20-22 апреля 2017 г. Санкт-Петербург. Россия. СПб.-УБ., 2019 г. -254 с.

Сборник представляет собой собрание докладов III международной научной конференции **“Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов”**, организованной Институтом истории и археологии МАН и Институтом восточных рукописей РАН в г.Санкт-Петербург, 20-22 апреля 2017 г.

Основой для конференции стали рукописные фонды и архивы, хранящие документы и материалы по истории, культуре, этнографии, политике, языку монгольских народов.

В сборнике публикуются доклады, освещающие историю монголоведения, а также доклады, посвященные рукописным материалам о материальной культуре монголов, их письменному наследию, художественному творчеству, экспедициям и разным сторонам жизни традиционного и современного монгольского общества.

ISBN 978-99978-773-4-5

DOI 10.25882/76vd-bb41

© Институт истории и археологии МАН, 2019 г.
© Институт восточных рукописей РАН, 2019 г.
© Международная Ассоциация монголоведов, 2019 г.

Д. Д. Селюнина

**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНА
ЕҖЕН В МОНГОЛЬСКОМ СОЧИНЕНИИ XVII В.
«ERDENI TUNUMAL NERETÜ SUDUR»**

DOI 10.25882/gv6g-b361

Статья посвящена анализу использования термина еҗен на материале одного из ранних памятников монгольской исторической литературы «Erdeni tunumal neretü sudur». Подробное изучение контекстов употребления этого термина позволило выделить два основных значения его в указанном памятнике. Оба они связаны с именами выдающихся монгольских лидеров - Чингис-хана и Алтан-хана. Значение концепта еҗен как обожествленного после смерти Чингис-хана остается в русле традиционной монгольской мифологии и политической культуры. В то же время, обозначение этим термином Алтан-хана, на мой взгляд, эксплицитно или имплицитно связано с распространившимся в монгольских степях буддизмом.

Ключевые слова: политическая культура, Алтан-хан, Чингис-хан, терминология власти, верховный правитель

Daria Seliunina

**The Use of the Term *ejen* in the 17th century
Mongolian Chronicle «Erdeni tunumal neretü sudur»**

*This article analyses the use of the term *ejen* based on the material of one of the early specimens of Mongolian historical literature «Erdeni tunumal neretü sudur». A detailed study of the contexts made it possible to distinguish two main aspects of the term *ejen* in the text. Both of them are connected with the names of outstanding Mongolian leaders - Chinggis Khan and Altan Khan. The meaning of *ejen* as Chinggis Khan deified after his death remains in line with traditional Mongolian mythology and political culture, while the cases in which Altan Khan is marked as *ejen* are either explicitly or implicitly connected with Buddhism that has spread in the Mongolian steppes.*

Key words: political culture, Altan Khan, Chinggis Khan, terminology of power, supreme ruler

На современном этапе развития науки изучение истории любого этноса не может ограничиваться лишь описанием фактов и событий. Последние могут быть осмыслены и корректно истолкованы только путем реконструкции картины мира представителей данного этноса в определенное время и анализа исторических фактов в системе представлений участников или современников описываемых событий.

Одним из аспектов такой реконструкции является анализ концептов, связанных с отношениями власти, и в целом политической картины мира. Материалом для анализа в этом случае может быть историческая литература, которая неизбежно запечатлевает особенности представлений о власти тех народов, об истории которых повествует памятник. Так основными персонажами монгольской историографии были ханы и члены их рода, находившиеся на вершине властной иерархии в степных полициях. Правитель и связанные с ним концепты, как правило, занимали центральное место в традиционной политической культуре.

Источником для подобной реконструкции в рамках данной работы стало одно из ранних сохранившихся исторических произведений монголов - «Эрдэни тунумал нэрэту судур» (монг. *Erdeni tunumal neretü sudur*). Его создание исследователи относят к началу XVII в. [Kollmar-Paulenz 2001, S. 333; ETNS 2003, p. 45]. Большая часть текста памятника посвящена описанию жизни Алтан-хана тумэтского. Кроме того, в нем содержится информация о его предшественниках - Чингис-хане (1162-1227), Хубилай-хане (1215-294) и Даян-хане (1464-1517/1543), а также о преемниках последнего - Сэнгэ Дугурэнге (?-1586) и Намудай Сэцэн-хане (?-1607). Одной из особенностей сочинения является сильное влияние на его текст буддийской литературой традиции, связанное, очевидно, с широкой поддержкой, которая оказывалась представителям этой религии при дворе Алтан-хана и его преемников.

Для обозначения правителя в «Эрдэни тунумал» часто используется слово *ејен*, которое переводят как «владелец» или «владыка» [Ковалевский 1844-1849, с. 224; БАРМС1, с.404]. Эволюцию его значений можно проследить на примере «Сокровенного сказания»:

от субъекта владения тем или иным имуществом⁶² до «владельца» определенной родовой группы⁶³, что указывает на расширение семантического поля термина *ejen* и включение в него не только отношений собственности, но и отношений власти и господства.

В тексте «Эрдэни тунумал» термин *ejen* используется только в последнем значении, как обозначение правителя или «владельца» той или иной политики. Автор памятника использует этот концепт 30 раз, чаще всего в эпизодах, связанных с именами двух правителей - Чингис-хана и Алтан-хана, с его точки зрения - ключевыми фигурами монгольской истории⁶⁴. Остальные случаи употребления этого термина, на мой взгляд, можно отнести к единичным. Во всяком случае, они не дают оснований для каких-либо выводов или гипотез. Поэтому скажу только, что кроме упомянутых выше правителей, концепт *ejen* в тексте «*Erdeni tunumal*» используется также по отношению к Мэргэн-джинону, Сэнгэ Дугурэнгу, правителю мусульманского племени «белых тюрбанов»⁶⁵ (монг. *caγan malaγa-yin ejen*) [ETNS, p. 223, 227-228, 278].

В отношении Чингис-хана термин *ejen* используется 14 раз. Важно отметить, что при описании жизни и деятельности Чингис-хана, автор ни разу не обозначает его термином *ejen*. Это значение концепта появляется только в сюжетах, связанных с местом отправления его культа - Белыми юртами.

⁶² «Остался в землях, у которых не было хозяина», *ejen ügei nuntuq-tur qocorcu* [Rachewiltz 1972, 67].

⁶³ «А по поводу той племенной группы выяснилось так: Баргучжин-гоа, дочь Бархудай-Мергана, владельца [*ejen* - Д. С.] Кол-баргучжин-догумского, была выдана замуж за Хорилартай-Мергана, нойона Хори-Туматского» [Козин 1941, с. 79], *tede bölöк irgen ber köl-barqujin-tögüm-ün ejen barqudai-mergen-nü ökin barqujin-qo'a neretei ökin-ni qori-tumad-un noyan qorilartai-mergen-ne ökdeksen aju'u* [Rachewiltz 1972, с. 14].

⁶⁴ Кроме того, в тексте биографии Алтан-хана термин *ejen* 16 раз используется в сочетании милостынедатель (монг. *öglige-yin ejen*). Данные словоупотребления не рассматриваются в представленном анализе, поскольку указанное сочетание является дословным переводом тибетского слова «милостынедатель» (тиб. *sbyin bdag*) и не относится к сфере политической культуры монголов.

⁶⁵ Абд аль-Карим-хан (1566-1594).

Согласно «Белой истории», культ Чингис-хана был установлен его правнуком Хубилаем [Sagaster 1976, S. 81, 105]⁶⁶. Центральное культовое место представляло собой восемь белых юрт, принадлежавших самому завоевателю и членам его семьи. До середины XX в. это место находилось в районе плато Ордос на территории современной китайской провинции Внутренняя Монголия. Главная из этих восьми юрт находилась в хошуне Эджэн-Хоро (монг. *ejen qoriy-a*, «ставка владыки»).

В качестве установленного государством культа Белые юрты имели и назначенных законом служителей, а именно «двенадцать ордосских тумэнов»⁶⁷ [Sagaster 1976, S. 81-82]. Они входили в правое крыло монгольской военно-политической структуры, которое управлялось джиноном - вторым после хана лицом в политической иерархии монгольской политики [Владимирцов 2002, с. 437-438]. Автор «Эрдэни тунумал» дважды упоминает о факте «управления» Белыми юртами. И оба раза субъектом управления является монгольский правитель, обладающий титулом джинона: Мэргэн-джинон⁶⁸ и Бошокту-джинон⁶⁹. В тексте мы не находим указания

⁶⁶ В качестве даты этого события Ц. Жамцарано указывает 1267 г. [Жамцарано 1961, с. 195].

⁶⁷ В работе Дж. Элвэрсхога, посвященной исследованию биографии Алтан-хана, приводится другая версия. Автор утверждает, что хранителем Белых юрт было племя урянхайцев. Он ссылается на сведения, содержащиеся в сборнике летописей Рашид-ад-Дина. Однако стоит подчеркнуть, что в этой летописи урянхайцев называют хранителями «заповедного их места с великими останками Чингиз-хана в местности, которую называют Буркан-Калдун» [Рашид-ад-Дин 1952, с. 159]. На мой взгляд, автор сборника летописей писал о другом священном для монголов месте - захоронении Чингис-хана и его потомков. В то же время, Белые юрты изначально были созданы как место хранения реликвий Чингис-хана, а не его останков. Бурхан-халдун был местом отправления культа предков всего рода, в то время как Белые юрты играли иную роль, о которой будет сказано ниже.

⁶⁸ «Мэргэн-джинон родился в год красного тигра, мудростью и умом успокоил торо шести туменов, твердо управлял Белыми юртами Владыки», *Mergen jinong ulayan bars jil-e töröjü .. medeküi uqayan-iyar jiruyun tümen-ü törö-yin tobci bolju .. mayad-iyar ejen-ü sayan ger-e jiluyaduyad ..masi Ordos tümen-i töblen sayujuqui degü inu* [ETNS, p. 224].

⁶⁹ «Бошокту-джинон, будучи управителем Белых юрт Владыки Богдо, пригласил его (Далай-ламу) в местность под названием Олан Булага» *bodisatw qutuy-tu wçir-a dara Dalai Lam-a ögede bolju iren a 'tala boyda ejen-ü sayan ger-i jiluyadun*

но то, что именно подразумевается под «управлением», но можно предположить, что это было связано с тем, что джинон возглавлял ту часть монгольских племен, на территориях которой располагался кенотаф.

Отправление культа Чингис-хана в Белых юртах было связано с двумя сферами жизни монгольских политий. Во-первых, ритуалы, проводившиеся в этом месте, были связаны с военно-политической деятельностью монгольских правителей. Это нашло отражение в эпизодах памятника, где описываются подготовка или завершение военных походов Алтан-хана: сбор войск перед походом⁷⁰ и поклонение предку после его окончания⁷¹.

В подтверждение своих военных успехов монгольские предводители заставляли преклониться перед Белыми юртами Чингис-хана побежденных противников⁷². После поражения бывшие противники становились подданными Алтан-хана или его старших братьев и включались в состав их улуса, символом чего также являлось поклонение *ejen-y*⁷³.

jalayci Boşuy-tu jinong Olan Bulayas neretü yaǵar-a jalaju buyan baramid-i çaylasi ügei ergüjü bür-ün [ETNS, p. 291].

⁷⁰ «Тремя западными туменами собрались в месте возле Шанду, где располагались Белые юрты. Алтан-хан, Ноян Дара-джинон и Хундулэн-хан с помощью Багатур Дугурэн Сэнгэ руководили войском. Три западных тумена вошли в Китай в долину под названием Шар тал», Barayun yurban tümen-iyer Sangtoyin çayan gertei-dür quraju... basa ber Altan Qayan. Noyan Dar-a jinong Kündülen Qayan yurbanula ..Bağatur Dügüreng Sengge noyan-iyar cerig-i uduridcu ..Barayun yurban tümen Kitadulus-tur Sira Talaneretü sübe-düroroju [ETNS, p. 236]. Также см. [ETNS, p. 291].

⁷¹ «После того, как одолели злых врагов, нойоны молились за свои жизни Богдо эдзэн», ösiyeten dayisun-i<dorita>doroyitayuluysan-u qoyin-a .. ülemjide ejen boyda-aça noyad amin-iyar yuyuyad öber-e jayura-ban ner-e çola ögölçeju nayiralduyad ..ulam basa dabtan ey-e-ben nigedülçeju tarğaysan bülüge [ETNS, p. 234].

⁷² «Вскоре покорив урянхайский тумен в местности Зоргал, заставили их как прежде предстать перед Белыми юртами-обладающие беспечальными мыслями и беззаботным умом Владыка (эдзэн) улуса, драгоценный Мэргэн-джинон и Алтан-хан», Uriyangqan tümen-i udal ügei joryal degere daruju ..urid-u çayan ger emüne-ben bayulğaysan. .uyidqar ügei joriy-tu untuyural ügei sedkil-tü ..ulus-un ejen erdeni Mergen jinong Altan Qayan qoyayula ajuyu [ETNS, p. 228]. Также см. [ETNS, p. 231-232].

⁷³ «(Ты) покорил злых врагов и сделал их своими подданными, прежде

Кроме ритуалов, связанных с военными походами, перед Белыми юртами также проводилось присвоение монгольским правителям различных титулов. Среди них были «регулярные» титулы, то есть те, которые составляли основу политической структуры того времени - хан и джинон, а так же почетные титулы, которые присваивались за успехи в военно-политической деятельности⁷⁴.

Приведенный выше анализ показывает, что, вероятно, термин *ejen* в указанных контекстах обозначает именно Чингис-хана, сакральные атрибуты которого хранились в Белых юртах. Подавляющая часть словоупотреблений термина *ejen* в этом значении (13 из 15) встречается в части летописи, повествующей о событиях, происходивших до принятия Алтан-ханом буддизма. Сакральный характер этого термина также подчеркивает то, что в этом контексте он часто выступает в паре с термином «священный, августейший» (монг. *boyda*). Таким образом, *ejen* представляет собой обозначение обожествленного Чингис-хана после его смерти - покровителя монголов в военных делах и хранителя политических традиций, легитимирующего их. Важно подчеркнуть, что свое значение в роли божественного покровителя Чингис-хан, с точки зрения автора биографии, сохраняет для всех монголов. Несмотря на масштабные процессы дезинтеграции монголов в XIV-XVI вв., Чингис-хан и его культ не утратили своего значения для всех монгольских племен, а Белые юрты оставались их сакральным центром. Право участия в отправлении ритуала, посвященного культу Чингис-хана имели только члены Золотого рода [Владимирцов 2002, с. 438-439]. Это

разрозненный улус заставил склониться перед эдзэном», *ösiy-e-tü dayisun-i darju öber-ün alba-tu bolɣaba kemen .. öñide qaɣaɕaysan ulus-i ejen emün-e sögüdkebe kemejü* [ETNS, p. 234].

⁷⁴ «Шесть туменов собрались перед Белыми юртами хана, обладающего харизмой, и поклонились источнику подле черного дерева. Весь великий улус перед эдзэном дал Боди-хану титул Гудэн-хан. Со словами: «Мэргэн Хара стал опорой торо» дали ему титул Мэргэн-джинон. <...> Со словами: «(ты) стал еще большей опорой торо», Алтан-хану пожаловали титул Суу-ту», *qan suu-tu çayan ger-ün emün-e jirɣuyan tümen çiyuluyad qara modun-u dergede bulyan qutuɣtur morgüjü ejen-ü emün-e-eçe qamuy yeke ulus Bodi Qayan-dur Küdeng Qayan çola ögbe ..ɣayiqamsiy Mergen Qara-yi törö-yin sitügen bolba kemejü Mergen jinong çola ögbe::<...>asuru masi törö-yin sitügen bolba kemejü Altan Qayan-dur Suu-tu çola soyurqabai* [ETNS, p. 231-232]. Также см. [ETNS, p. 225, 288-289, 231-232].

способствовало сохранению представлений о единстве на уровне правящей элиты, а также представлений об общемонгольской идентичности через ритуальные связи между разными частями бывшей империи.

В тексте «*Erdeni tunimat*» термином *ejen* также обозначается Алтан-хан, всегда в сочетании *qan ejen* или *ejen qaγan*. Всего текст содержит 11 таких словоупотреблений, которые встречаются в описании событий, произошедших после 1551 г. - года заключения Алтан-ханом первого мирного договора с китайским двором.

Использование термина *ejen* при описании прижизненных событий Алтан-хана всегда связано с подтверждением его права на власть. Важно отметить, что в рамках традиционной политической культуры автор текста приводит исключительно мирные способы расширения подвластных *ejen*-утерриторий: добровольное принятие подданства соседними племенами - частью китайцев и хиргудами, одним из ойратских племен [Kollmar-Paulenz 2002, S. 254]. Для этого, в соответствии с текстом памятника, китайцы прислали послов с данью, а хиргуды - с предложением заключить союз через брак с дочерью их правителя⁷⁵.

Однако Алтан-хан, согласно генеалогии, на которой основывалась легитимность власти правителя у монголов, не являлся законным правителем завоеванных им народов, не принадлежащих к унаследованным туметам. Претендуя на верховную власть над ними, он был вынужден искать другие пути легитимации своей власти, выходящие за рамки традиционных политических представлений кочевников. Такие возможности он нашел в буддизме, который был известен монголам со времен правления Хубилай-хана. Именно на взаимоотношения Хубилай-хана и Пагба-ламы как на прецедент опирался, по словам автора биографии, Алтан-хан в решении о том, чтобы сделать буддизм официальной религией подчиненной ему политики⁷⁶. Именно в контексте своей религиозной деятельности

⁷⁵ «Прослышав о славе хана-Владыки, китаец Ли Ончи вместе с другими нойонами привезли дань и вошли в подданство», *qaγan-u ejen-ü ner-e aldar-i sonosču sačasqalutunbangqara Kitad-un Li Ongci tatalγ-a terigüten noyad inu oroju ireded* [ETNS, p. 237]. Также см. [ETNS, p. 240, 241].

⁷⁶ «Рожденный по воле высшего Неба, Владыка (*ejen*) всего мира, богдо Алтан Сэцэн-хан помнил о законе религии, установленной Пагба-ламой и Сэцэн-

Алтан-хан трижды обозначается не просто как законный правитель, а как «всеобщий владыка-правитель» (монг. *qotala-yin ejen qayan*) или «владыка-правитель всего мира» (монг. *delekei-dekin-u ejen qayan*)⁷⁷.

В тексте памятника *ejen* характеризуется сравнениями и мотивами, принесенными в монгольские тексты буддийской литературной традицией. Так, после возвращения Алтан-хана из похода на Китай произошло чудесное знамение в виде радуги («света пяти цветов» монг. *tabun öngge-tü gerel*), которая появилась из тела *ejen*-а⁷⁸. Чудесные знамения являются типичным сюжетом, как для традиционной культуры монголов, так и для буддийской традиции. В рамках последней радуга часто используется в качестве благого символа [Цендина 2007, с. 121-122; Яхонтова 2010, с. 286]. Религиозная символика, подчёркивающая исключительность *ejen*-а, также окружает смерть Алтан-хана⁷⁹. В конце концов, Далай-лама убеждает наследников Алтан-хана не хоронить его, а провести кремацию и построить ступу, подобную той, которая была воздвигнута после смерти Будды Шакьямуни [ETNS, p. 295].

Все вышесказанное позволяет сделать предположение, о том, что в сочетании *ejen qayan* в тексте «*Eredeni tunumal*» концепт *ejen*

ханом», *deger-e Tngri-yin jayaγ-a-bar törögсen ..delekei dakin-u ejen Boyda Altan Sečen Qayan degedü Phagsba Lam-a Sečen Qayan qoyar-un bayiyuluγsan ..tengsel ügei nom-un šasin-i törö-yi sanaγu бүр-үн* [ETNS, p. 250].

⁷⁷ «Третий хан, ханша и все правители трех туменов, посовещались всем Золотым родом Боржигид и отправились в соответствии с указом всеобщего Владыки Гэгэн-хана», *γutaγar qayan qatun terigüten qamuγ bügüdeger γurban түмен-ү qad Borjigid altan uruγ-iγar keleldüγü qotala-yin ejen Gegen Qayan-u jarliγ-un yosuγar ögede bolayan* [ETNS, p. 292]. Также см. [ETNS, p. 250, 294].

⁷⁸ «Увидев, что из тела хана исходит свет пяти цветов, злобные враги поняли, что нужно покориться его власти. Весь Великий улус с удивлением одобрил это и еще больше уверовал в деяния хана Владыки», *qayan-u bey-e-dece tabun öngge-tü gerel γaruγsan-i üjged ..qaritan dayisun erke-dür oroγsan-i medeged ..qamuγ yeke ulus γayiqalduγu sayisiγayad ..qan ejen-ü yabudal-i ülemji masi bisireγsen бүлүге* [ETNS, p. 238].

⁷⁹ «В то время как весь великий улус был обеспокоен, в год белой змеи, в девятнадцатый день тигра последнего месяца в час курицы на реке Хатун Владыка хан «отправился в земли тэнгриев» (умер) в 75 лет, сидя в позе лотоса, подобно будде», *qamuγ yeke ulus-un sedkil ülü amun atala čayan moγai jil-dür Qatun-u Gool-dur kögeler sara-yin arban yisün-e bars edür-tür qan ejen dalan tabun nasun-dur-iγan takiy-a čay-tur..γayiqamsiy burqan-u sayudal-iγar sayuγu tngri-yin γajara ögede boluγsan čay-tur* [ETNS, p. 284]. Также см. [ETNS, p. 285].

приобретает новое значение: он является синонимом индийского титула Чакравартин⁸⁰ (санскр. *Caṅkravartin*), с которым Алтан-хан неоднократно сравнивается в тексте памятника [ETNS, p. 250, 256, 280]. На это указывает в первую очередь его роль в принятии монголами буддизма, поскольку царь-Чакравартин правит в соответствии с законами Учения. Кроме того, автор подчеркивает, что все заслуги *ejen qaγan* по расширению подвластных территорий имеют мирный характер и происходят ненасильственным путем, что также является отличительным признаком Чакравартина. Кроме того, Чакравартин является «Вселенским правителем» [Васубандху 2001, с. 282], и обозначение Алтан-хана как правителя всего мира, возможно, является отсылкой именно к этому качеству Чакравартина. Неоднократное сравнение *ejen qaγan*-а с буддой также указывает на связь этого термина с концепцией Чакравартина. Последний во многом подобен будде - не может существовать одновременно двух чакравартинов и двух будд, и каждый из них имеет тридцать два признака Великой личности [Васубандху 2001, с. 282-286].

Кроме того, использование термина *ejen* в тексте «*Eredeni tunumal*» отражает иерархическую организацию политической структуры этого общества, а также важную роль правителя в этой системе. Автор текста подчеркивает, что в созданной Алтан-ханом политике должен быть правитель (монг. *ejen qaγan*) [ETNS, p. 295], причем между ним и остальными «всеми правителями» (монг. *qamuγ ejed*) существуют иерархические связи, в рамках которых первый занимает верховное положение⁸¹.

Таким образом, термин *ejen* в тексте «*Eredeni tunumal*» используется только в связи с описанием деятельности правителей того или иного социума. Можно предположить, что к XVII в. этот термин оказался связанным только с политической сферой жизни

⁸⁰ Сам царь Чакравартин характеризуется в тексте памятника однокоренным термином «владеющий» (монг. *ejelegci*) [ETNS, p. 296]. Объектом его владения являются четыре континента (монг. *dürben tiib*), что соответствует признаку Чакравартина, обладающего золотой чакрой [Васубандху 2001, 282-283].

⁸¹ «Все правители во главе с ханом прославили Всеведущего Далай-ламу как «удивительного Ваджрадхару, океан добродетелей и благородства» и поднесли ему золотую печать», *qaγan ekilen qamuγ ejed bügüdeger qamuγ-i medegči Dalai Lam-a-dur γayıqamsiy Weir-a Dar-a Sayin Соγ-tu Buyan-tu Dalai kemen aldarsiγulju altan tamaγa ergübei* [ETNS: 271].

общества, хотя в этой сфере также сильны были представления о «владении» правителя своим народом. Термин *ejen* в отношении двух ключевых фигур рассматриваемого здесь памятника - Чингис-хана и Алтан-хана, имеет значение сакральности. Чингис-хан предстает в образе обожествленного предка, основателя монгольской государственности, а его культ остается актуальным и ко времени написания памятника, что отражает сохранение ритуальных связей между отдельными кочевыми племенами. В свою очередь, Алтан-хан является правителем, чья власть также опирается на сакральность. Однако эта сакральность в данном случае лежит не в традиционной политической культуре монголов, а в сфере буддийской идеологии. Термин *ejen* в данном случае представляет собой синоним царя-Чакравартина.

Литература:

- ETNS 2003: Elverskog Jh. The Jewel Translucent Sūtra. Altan Khan and the Mongols in the Sixteenth Century. Leiden: Brill, 2003.
- Kollmar-Paulenz 2002: Kollmar-Paulenz, Karenina. Erdeni tunumal neretü sudur: Die Biographie des Altan qayun der Tümed-Mongolen. Weisbaden: Harrassowitz, 2001.
- Rachewilz 1972: de Rachewilz I. Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington, 1972 (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, vol. 121).
- Ковалевский 1844-49: Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь, составленный Осипом Ковалевским. Казань. Т. I. 1844, т. II. 1846, т. III. 1849.
- БАМРС1: Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: в 4 т.: Около 70000 слов / Е.Баярсайхан, Г.Гантогтох, Д.Дорж и др.; Под общ. ред. А.Лувсандэндэва, Ц.Цэдэндамба; Ин-т языка и литературы АНМ, Ин-т языкознания РАН. - М.: Academia, 2001 - 2002. - Т.1: А-Г / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. - 2001.
- Козин 1941: Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. I. М.-Л., 1941.
- Жамцарано 1961: Жамцарано Ц. Культ Чингиса в Ордосе: Из путешествия в Южную Монголию в 1910 г. // Central Asiatic Journal. Vol. VI, № 3. Wiesbaden, 1961., P. 194-234.

- Sagaster 1976: Sagaster Kl. Die Weisse Geschichte. Eine Mongolische Quelle zur Lehre von den Beiden Ordnungen Religion und Staat in Tibe und der Mongolei. Wiesbaden, 1976.
- Рашид-ад-Дин 1960: Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т, II. М.-Л., 1960.
- Владимирцов 2002: Работы по истории и этнографии монгольских народов / Редкол.: В. М. Алпатов (пред.) и др.; Сост. Г. И. Слесарчук. М.: «Восточная литература», 2002.
- Цендина 2007: Цендина А. Д. Монгольские летописи XVII-XIX вв.: повествовательные традиции. М., 2007.
- Яхонтова 2010: Яхонтова Н. С. Ойратский словарь поэтических выражений. М.: Вост. лит., 2010.
- Васубандху 2001: Васубандху. Абхидармакоша. Глава III. Близкий к тексту перевод с тибетского на русский язык, подготовка тибетского текста, примечаний и таблиц Б.В. Семичова и М.Г. Брянского. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1980.